

характерной для современных крупных городов, возникают еще не вполне осознанные и оформленные, но достаточно определенные табу на общение незнакомых людей в общественном транспорте, на улице, в многоквартирном доме, которые во многом напоминают нормы избегания и, несомненно, являются одним из механизмов психологического эмоционально-защитного действия. Подобные механизмы имеются во всех культурах всех формаций, и они должны быть предметом научного изучения. Итогом такого изучения могут быть конкретные рекомендации, касающиеся мероприятий прикладного и направленного характера, но в самом процессе исследования «этический нейтралитет», т. е. недопустимость применения к социально-психологическому исследованию любой культуры ценностных критериев, характерных для культуры исследователя, представляется мне совершенно обязательным.

ANALYSIS AND APPRAISAL OF AVOIDANCE

The author expresses his disagreement with former theories on the origin of avoidance customs as set forth in the paper by Ya. S. Smirnova and A. I. Pershits; he suggests linking them with the diverging sacral traditions of different genealogical groups. As for the ethical evaluation of avoidance, as well as that of other cultural phenomena, the author, while agreeing in principle with the criterion of socioeconomic formation proposed by Ya. S. Smirnova and A. I. Pershits, considers that such phenomena should be appraised within their social and historical context where they may fulfill not only social functions but also those of psychological protection.

Б. Х. Бгажноков

О ЗНАЧЕНИИ ЭТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ УЧЕНОГО В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Основная идея обсуждаемой статьи, насколько мы понимаем, такова: обычаи избегания, распространенные у некоторых народов нашей страны, «не „вписываются“ в соционормативную систему коммунистической формации даже на ее первом, социалистическом этапе» (стр. 68—69). С этим можно согласиться. Впрочем, такое признание кажется излишним; в наш век едва ли найдется мало-мальски знакомый с этими обычаями учений, который станет утверждать обратное.

В чем же в таком случае сущность расхождений, что вызывает критическое отношение Я. С. Смирновой и А. И. Першица к положениям, сформулированным в нашей книге, и вообще — есть ли в монографии все то, что видят в ней авторы статьи?

Прежде всего заметим, что в книге нет и намека на возможность отнесения обычаев избегания к «национальной форме социалистической культуры адыгских народов». Напротив, дважды подчеркивается, что это фрагменты отжившей культуры, культуры обществ, стоявших на низкой ступени общественного развития — родовой или раннефеодальной¹. Учитывая, однако, что эти в целом действительно неудобные,

¹ См. Б. Х. Бгажноков. Адыгский этикет. Нальчик, 1978, с. 26, 141.

безусловно пережиточные стандарты общения сохраняются в известной мере и по сей день, спустя 60 лет после Октябрьской революции, мы квалифицировали их как одну из форм традиционно-бытовой (а не социалистической!) культуры² адыгов.

Казалось бы, на этом можно прекратить полемику. Все ясно: авторы выдвигают тезис, которого нет в книге, и сами же его опровергают. Но в ходе этой «импровизированной» полемики затронуты положения методологического характера, которые не могут оставить нас безразличными.

На наш взгляд, во всяком случае на первом этапе исследования, задача ученого-этнографа состоит в выявлении реальных, в том числе и психологических источников, которые все еще питают обычаи избегания. Другими словами, надо понять данный фрагмент культуры не как вредный пережиток (здесь уже достаточно «потрудились» публицисты), а как норму, которая отвечала определенным потребностям, запросам общества. Это вытекало в целом из структуры книги: в подаче адыгского этикета мы, как сказано во введении, ориентировались прежде всего на период XIX в. и опирались при этом на известное марксистское положение о необходимости исследовать «положительную сторону отрицательных элементов, действующих в ходе истории»³.

На вопрос, каковы функции обычаев избегания, зачем их соблюдали раньше и соблюдают сейчас, почти всегда и женщины и мужчины⁴ отвечали нам: «Арат хабээр» — «Такой был обычай»; «ПщIэ зэхуэт-щIырти араш» — «Потому что уважали друг друга»; «Нэмыс дяку дэлъти араш» — «Потому что нэмыс (совесть, взаимоуважение) был между нами»; «Зэрылътэныгъэм къыхэкIырт» — «Из-за уважения друг к другу» и т. д. Ту же самую интерпретацию дают информаторы фактам запрета на произнесение имен родственников. Не зря система вторичных наименований, которая совершенно естественно возникает при этом, обозначается у кабардинцев *фIылтагъуныгъэцIэ* — любовные имена, *гъафIэгъыбзэ* — ласкательный язык, у адыгейцев соответственно *гъэшIабзэцIэхэр*, *гъэшIобзэ*. Причем эти термины применяются также к именам, которые даются невестке, той самой невестке, которая, по утверждению публицистов, а нередко, как это ни странно, и ученых-этнографов, была настолько унижена, что самая мысль о любовном, ласковом к ней отношении со стороны мужа и его родственников отменялась. Чтобы не быть голословными, приведем некоторые имена, которые дает свекровь невестке: Нысэ IэфI — Сноха сладкая; Нысэ фо — Сноха медовая; Нысэ дыщэ — Сноха золотая; Къан дыгъэ — Воспитанница (любимица) солнечная. Следует также заметить, что почти при всех видах избегания наблюдается взаимность налагаемых обязанностей, что уже само по себе ставит под сомнение наличие здесь унижения одной из сторон. Наконец, весьма показательно, что инициатива к прекращению избегания исходит от свекра. Он просит (как правило, через посредников) об этом невестку. Та сначала отказывается, ссылаясь на то, что не желает нарушать традицию взаимного уважения, и лишь спустя некоторое время дает знать о своем согласии. Устраивается многолюдное торжество, свекр преподносит невестке подарки, ласково обнимает ее и высказывает свою просьбу. Таким образом, уступая просьбе родственников, невестка соглашается поддерживать со свекром обычные формы контакта.

² О понятии «традиционно-бытовая культура этноса» см. Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. — «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 6.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 641.

⁴ В качестве информаторов были использованы главным образом сельские жители старшего поколения (70 лет и выше), которым по вполне понятным причинам в наибольшей мере присущи архаические особенности культуры, этикета, национального характера.

Любопытно, что память о традиционном обосновании обычаев избегания жива и у тех адыгов, которые уже давно не соблюдают их или вообще не соблюдали. Типичным для данного случая можно считать следующий диалог:

Этнограф	— Вы соблюдаете обычаи избегания?
Информатор	— Нет.
Этнограф	— Почему?
Информатор	— Это неудобно и, я считаю, не нужно.
Этнограф	— А зачем это нужно было раньше?
Информатор	— Раньше на это смотрели как на взаимное уважение, воспитанность, адыгство и т. п. ⁵

Могут ли все эти факты служить основанием для высказанного в книге положения: «Сами адыги никаких объяснений им дать не могут, кроме традиционного „арат хабзэр“ — „таков был обычай“. А смысл этого обычая в их представлении — все то же взаимное уважение, почитание»? Надо полагать, могут. Наши оппоненты придерживаются другого мнения.

Безусловно, факты указанного типа им тоже хорошо известны. Тем не менее обычаи избегания объясняются «одной из составных частей патриархально-шариатского правопорядка, символическим напоминанием о подчиненном низшем статусе младших членов семьи» (стр. 63). Эта концепция, в которой внимание акцентируется на униженном положении женщины в семейно-родственном коллективе⁶, стала у нас, к сожалению, едва ли не хрестоматийной, и авторы здесь отнюдь не оригинальны. То же следует сказать и о вытекающем отсюда отношении к психологии носителей исследуемой культуры как к ничтожно малой величине, несущественному обстоятельству, которым можно пренебречь без ущерба для науки. «Надо заметить, — пишет Я. С. Смирнова в одной из статей, — что в силу отсталости сознания абхазки, все эти обычаи „избегания“ не воспринимались кем-либо, в том числе и самой невесткой (разрядка наша — Б. Б.), как нечто унижительное. Это была не подлежащая обсуждению норма поведения, которая, однако, объективно унижала женщину и бесконечно усложняла ее жизнь»⁷.

Что значит «объективно»? Не следует ли по той же логике считать, что преподнесение невестке подарков, чтобы она согласилась поддерживать контакт, «объективно» унижает свекра, использование вторичных ласкательных имен для невестки «усложняет» жизнь свекрови и т. д.?

Нельзя не согласиться, что любой фрагмент этикета, ритуал, обычай «усложняют» жизнь людей. Но как измерить степень такого усложнения и основание ли это для отрицательной оценки? Можно ли вообще представить себе человеческое общество без условностей, «усложняющих» жизнь?

Мы не склонны отрицать факт подчинения одних членов семейно-родственного коллектива другим, в частности младших старшим, женщинам мужчинами; в условиях патриархального быта это вполне естественно. Только обычаи избегания здесь ни при чем. Слишком мало аргументов в пользу подобного толкования, если не считать аргументом то

⁵ Из беседы автора с Ш. Е. Сиуховым (1902 г. р.) из аула Хатукай Адыгейской автономной области 19 июня 1978 г. (текст беседы хранится в личном архиве автора).

⁶ Ср. «... с установлением неполноправия женщины и младших членов семьи обычаи избегания ассоциировались с их приниженным положением и практически сделались одним из проявлений этой приниженности» (Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт. — «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968, с. 190).

⁷ Я. С. Смирнова. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины. — «Кавказский этнографический сборник», нов. серия, вып. 1, М., 1955, с. 121.

обстоятельство, что старшие как хранители традиций осуществляли контроль за соблюдением данных стандартов поведения. А поскольку они, эти старшие мужчины и женщины, были свидетелями или реальными участниками, главными «героями» разыгрывающихся сцен избегания, функция контроля приобретала порой характер напоминания о подчиненном, низшем статусе младших членов семьи⁸. Судя по сообщениям наших информаторов, в свое время (а отчасти и сейчас) обычаи избегания выступали в качестве социально-привычных форм поведения, а не как тягостная необходимость или одно из средств унижения невестки. Последнее вообще не укладывается в систему правил адыгского этикета, предусматривающую рыцарски-почтительное отношение к женщине, что нашло выражение в пословицах типа: «Цыхубзым и хьэтыркIэ зырагъэукI» — «Ради женщины отдают (отдай) жизнь»; «Лыхъур фыздэубзэщи, лыхъыр фыздэуейщ» — «Муж настоящий с женой ласковый, муж-баба жену бьет»; «Бзыльфыгъэм шыхьылъэ лъэханэ»⁹ (не буквально, а по смыслу) — «Для женщины сделай все, что в твоих силах». Женщина, по представлениям адыгов, способна оказать решительное влияние не только на мужа, но и на общественное мнение (ср. «Фызым игъэпуда лыхъыр жылэм кыдаыхыжыфыркъым, жылэм ягъэпуда лыхъыр фызым кыдехыж» — «Все село не может восстановить честь мужчины, опозоренного женщиной; женщина же может восстановить честь мужчины, опозоренного всем селом»). Такого рода пословицы не единичны, не случайны, они являются выражением и отражением одного из конструктивных принципов адыгского этикета — принципа почитания (своего рода культа) женщины¹⁰, хотя ислам, как известно, несколько приглушил эту идею.

Таким образом, функция подчинения младших старшим, женщин мужчинам по данным, которыми мы располагаем, является для обычаев избегания не основополагающей, а факультативной.

Возможность включения обычаев избегания в шариатский правопрядок тоже отпадает. Они остались у адыгов за пределами каких-либо религиозных догм. Ислам, насколько нам известно, не предусматривает обычаев избегания непосредственно в том виде, в каком мы наблюдаем их у народов Северного Кавказа. Впрочем, то же самое касается любой другой религии.

Таковы вкратце наши соображения по поводу места, которое занимали обычаи избегания в психологии, социальной жизни адыгов. Что же касается предложенной в книге гипотезы происхождения обычаев избегания, то это, подчеркиваем, всего лишь гипотеза. Право каждого принимать ее или не принимать. Мы даже готовы от нее отказаться, если увидим возможность выдвижения более обоснованных идей.

Чтобы доказать справедливость цитированной выше оценки обычаев избегания, Я. С. Смирнова и А. И. Першиц отсылают читателя к «природным адыгам, осетинам, карачаевцам», которые еще в 20—30-е годы нашего столетия называли эти стандарты поведения «ничтожными и вредными», унижающими достоинство женщины и т. д. (стр. 64). Заметим, что, призывая в других местах статьи к соблюдению принципа историзма, Я. С. Смирнова и А. И. Першиц здесь почему-то явно от него отступили. Ведь дело не в этнической принадлежности авторов, а прежде всего в исторических и социальных условиях, которые вызвали к жизни их высказывания.

⁸ Кстати, это хорошо показано в одной из ранних работ Я. С. Смирновой. См. Я. С. Смирнова. Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху. — «Сов. этнография», 1961, № 2, с. 42.

⁹ Эта пословица в различных вариантах бытует у всех этнографических групп внутри этноса: у шапсугов, абадзехов, бжедугов, темиргоевцев, кабардинцев, бесланеев и др.

¹⁰ Более подробно об этом см. Б. Х. Бгажноков. Указ. раб., с. 51—59.

Кто же, однако, эти «природные» кавказцы? Это представители зарождающейся советской интеллигенции А. Намитоков, И. Хубиев, С. Д. Кулов, И. Тамбиев, просветители, публицисты, но отнюдь не этнографы или еще не этнографы в собственном смысле слова. Отсюда множество односторонних, противоречивых, а порою и ошибочных положений. И. Хубиев (И. Карачайлы), например, «ополчается» против всех без исключения горских обычаев, в том числе и против гостеприимства, уважения старших, обычая взаимопомощи и т. д.¹¹, словно действительно можно, а главное — необходимо уничтожить (без всякой дифференциации) сложившиеся веками традиции. Мы не подвергаем сомнению искренность горской интеллигенции 20—30-х годов, видевших свою благородную миссию в искоренении архаичных обычаев. Однако многое из их литературного наследия, в том числе и оценка обычаев избегания, требует тщательной верификации, а не простого перенесения в научный труд.

То же самое, но по другой причине, следует сказать в отношении повести А. Евтыха «У нас в ауле». Нельзя забывать, что художественная подача факта не всегда и не обязательно совпадает с историческим, этнографическим фактом. Писатель тем и отличается от этнографа, что не ставит перед собой задачи обеспечить такое совпадение. У А. Евтыха таких несовпадений достаточно.

Итак, мы вполне солидарны с авторами статьи с их негативным отношением к обычаям избегания в социалистическом обществе, но отнюдь не согласны с мотивировкой данных стандартов общения. Нельзя согласиться также и с некоторыми методологическими построениями Я. С. Смирновой и А. И. Першица, которые уже выходят за рамки проблемы обычаев избегания.

Вот здесь-то и возникает основной пункт полемики: формационный подход к исследованию и интерпретации фактов национальной культуры или, говоря словами авторов статьи, «формационный критерий для оценки (разрядка наша.— Б. Б.) тех или иных культурных явлений» (стр. 68).

С «формационным критерием» дело обстоит несколько сложнее, чем это получилось у Я. С. Смирновой и А. И. Першица, хотя, казалось бы, с тем, что говорится ими по этому поводу, нельзя не согласиться. Где лежит граница между «универсальным по своим главным параметрам историческим развитием» (стр. 67) и конкретно-национальной, конкретно-социальной, конкретно-исторической реализацией этих «главных параметров»? Авторы по ходу статьи незаметно подменяют тезис: это конкретное своеобразие они отождествляют с исторической неравномерностью развития. В результате «неглавные» параметры такого развития, к которым относятся, в частности, особенности традиционной бытовой культуры, начинают оцениваться по тем же меркам, по которым мы оцениваем развитие производительных сил и производственных отношений. Это было бы правомерно, если бы обычаи избегания сохранили в современном обществе социальную значимость, социальную функцию и если бы они непосредственно отражали тот или иной этап социально-экономического развития общества.

Если это так, то почему у чеченцев, в прошлом стоявших на ступени общественного развития ниже кабардинцев, обычаи избегания, как об этом свидетельствуют авторы статьи, выражены слабее (см. стр. 62), а у последних в свою очередь слабее, чем у западных адыгов? Почему распространенность обычаев избегания была «у кабардинцев заметно более сильной, чем у балкарцев»¹²? Как все это согласуется с формационным

¹¹ И. Карачайлы. Борьба против адатов.— «Революция и горец», 1932, № 8—9.

¹² См. Я. С. Смирнова. Некоторые количественные показатели отхода от обычаев избегания у кабардинцев и балкарцев.— «Сов. этнография», 1977, № 2, с. 81.

критерием, который, по словам авторов, «делает возможным сопоставление в каждую историческую эпоху культурных явлений, более или менее продвинутых на шкале всемирно-исторического прогресса» и «отражает познанную историческую закономерность смены восходящих ступеней развития» (стр. 68)? Как укладывается в формационный критерий обычай снохачества, бытовавший в некоторых районах России вплоть до революции? Наконец, почему у многих народов мира обычай избегания не наблюдаются даже в рудиментарной форме, даже в форме упоминания о существовании их в прошлом, близком или отдаленном?

Это вопросы, на которые трудно ответить при излишне прямолинейном толковании формационного критерия.

Авторы ссылаются в поддержку своей позиции на Н. И. Конрада. Но напомним его слова: «Каждый народ, большой или малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами... История человечества не какой-то безликий процесс; она очень конкретна и складается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо»¹³. Это обстоятельство, как известно, послужило толчком для дальнейшей разработки учения о социально-экономических формациях, в частности, для возникновения более узких, рабочих понятий типа: протофеодализм, горский феодализм, хозяйственно-культурный тип и др. Чрезвычайно интересной и перспективной представляется, например, идея о «нестрогой, неоднозначной» взаимообусловленности социально-экономической формации и хозяйственно-культурного типа¹⁴.

Своеобразие традиционной культуры отдельных народов не отрицает, а предполагает общность исторического развития; но именно поэтому далеко не все и в истории, и в истории культуры должно оцениваться одними и теми же критериями¹⁵. Иначе, воюя с релятивизмом, мы рискуем впасть в противоположную крайность, перенося критерий социального прогресса на такие явления, которые хотя и прошли историческое развитие, но не могут быть предметом оценки. Кстати, авторы статьи то и дело смешивают подход с точки зрения историзма и проблему прогресса или регресса в историческом развитии, хотя это далеко не одно и то же. Например, «этнокультурные традиции далеко не всегда нейтральны в социальном отношении, — они также исторически обусловлены и подвержены изменениям» (с. 69). Или: «Марксистский историзм отвергает саму возможность существования вневременных неизменных, не обусловленных социально-историческим развитием этнокультурных черт» (там же). Это бесспорно. Но цитированный тезис приводится для доказательства совсем другого — закономерности негативной оценки таких черт. Отсюда, с одной стороны, отрицание всего того, чего нет в культуре народов, «вышедших на „передний край“ общественного развития и цивилизации» (с. 68), с другой — отрицание или отрицательная оценка элементов культуры, возникших в прошлом, на ранних ступенях общественного развития.

Нужно ли доказывать, что старое, прошлое, точно так же, как и чуждое культуре наиболее развитых в общественном отношении народов, не синоним плохого? И кроме того, ведь нельзя забывать о преемственности: новое возникает не на голом месте, оно является переработ-

¹³ Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1972, с. 454.

¹⁴ См. Э. Л. Мелконян. О соотношении понятий «социально-экономическая формация» (СЭФ) и «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ). — Всесоюзная конференция, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Тезисы докладов, Ереван, 1978, с. 133.

¹⁵ Ср. «Универсальных критериев прогресса не существует. Для каждой достаточной широкой области явлений должны отыскиваться свои специальные критерии». — «Философская энциклопедия», т. 4, 1967, с. 380.

кой, ремотивацией старого. Именно поэтому Ф. Энгельс призывал исследовать «положительную сторону отрицательных элементов, действующих в ходе истории». В. И. Ленин развивает эту мысль в «Философских тетрадах»: «По отношению к 2-му, отрицательному положению „диалектический момент“ требует указания „единства“, т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном. От утверждения к отрицанию — от отрицания к „единству“ с утверждаемым. — без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой или скепсисом»¹⁶.

Мы не оспариваем мысль Я. С. Смирновой и А. И. Першица о необходимости для ученого занимать определенную этическую позицию при исследовании тех или иных фактов. Но за этой позицией должны стоять не общие, а конкретно-социальные, конкретно-исторические аргументы. То или иное явление может в данную эпоху, у данного народа играть объективно вредную роль, и тогда возникает проблема его «быстрейшего изживания». Так обстоит дело с обычаями избегания. Но сам по себе тот факт, что данное культурное явление коренится в иной, уже пройденной социально-экономической формации, не может служить аргументом для оценки, идущей вразрез с оценкой самих носителей культуры. Все дело в том, какое место занимает оно в системе данной национальной культуры в данную эпоху, каково его место в психологии и социальной деятельности народа.

Какие же реальные аргументы приводят авторы статьи для обоснования оценки обычаев избегания как средств подчинения, унижения определенной части семейно-родственного коллектива? «Не вписываются», «не гармонирующее», «отрицательно оценивается и подавляющим большинством исследователей, и подавляющим большинством охваченного этносоциологическим исследованием населения». Комментарии излишни. Перед нами типичная субъективная оценка, подкрепленная ссылкой на чужие оценки...¹⁷. Любому социологу знает, что даже массовая оценка не может служить источником для тех или иных заключений о сути данного явления, о его роли в деятельности данной популяции — особенно в нашем случае, когда обычай избегания, во-первых, потерял социальную значимость и сохранился как чисто традиционный тип поведения, а во-вторых, много лет получает негативную оценку в печати по радио и т. д.

Да, этнограф имеет право на этическую позицию. Но принцип историзма и системный принцип диктуют нам единственно возможную последовательность: сначала конкретное исследование явления во всех его связях и отношениях, затем столь же конкретная оценка, если в этом есть необходимость. Социальная, идеологическая позиция исследователя не обязательно требует от него сказать по поводу каждого исследуемого им явления, хорошо оно или плохо. Нередко оно и хорошо, и плохо или ни хорошо, ни плохо. Оно прежде всего объективно существует, и надо понять, почему.

Именно этим подходом мы руководствовались, приступая к исследованию традиционно-бытовой культуры общения адыгов. Это было для нас особенно важным в силу того достаточно известного обстоятельства, что история и культура адыгских народов в значительной мере остаются загадкой. К феодализму адыгов неприменимы некоторые критерии, применяемые к русскому или западноевропейскому феодализму. До тех

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 124.

¹⁷ Кстати, ссылка на работу К. И. Чомаева лишний раз доказывает некритическое восприятие авторами статьи идей о консервативном характере почтения к старшим, об униженном положении северокавказской женщины и др. У К. И. Чомаева эти идеи априорные, взятые из публицистических статей; под них подгоняются факты; в результате получается внешне правдоподобная, а по существу чрезвычайно искаженная картина психологии горских народов.

пор, пока это не станет для историков очевидным, природа горского и, в частности, адыгского феодализма не будет раскрыта в полной мере. Каждый народ, если мы хотим его познать, как и отдельная личность, требует к себе особого, индивидуального подхода. Это совершенно не исключает использования общих методологических установок, но требует учета историко-культурной специфики исследуемых народов.

Дело, как мы видим, не в самом обычае избегания, хорош он или плох. Проблема совсем в другом — в представлении о месте этической позиции этнографа в методологии этнографического исследования. Видимо, как раз по этому пункту наши мнения расходятся.

ON THE SIGNIFICANCE OF THE ETHICAL STANCE OF THE RESEARCHER IN ETHNOGRAPHICAL STUDIES

The paper represents a reply to certain remarks by Ya. S. Smirnova and A. I. Per-shits regarding B. Kh. Bgazhnokov's book «Adyghe etiquette». The motivation of avoidance customs suggested by these authors must be considered incorrect since it takes no account of the psychology of the people themselves. The opinion is expressed that the treatment of avoidance customs as a means of suppression or humiliation of certain members of the family and kindred group stems from a too direct interpretation of the doctrine of socioeconomic formations and an erroneous idea of the role of the ethnographer's ethical stance in the methodology of ethnographical research.

Г. Е. Марков

ОБЫЧАЙ ИЗБЕГАНИЯ И ПРОБЛЕМА «ПЕРЕЖИТКОВ»

В статье Я. С. Смирновой и А. И. Першица «Избегание: формационная оценка или „этический нейтралитет“» ведется дискуссия с Б. Х. Бгажноковым по поводу обычая «избегания» у адыгов и ставится ряд проблем, имеющих широкое теоретическое и актуальное политическое значение. В дискуссии затрагиваются вопросы сопоставимости различных культур и культурных ценностей на одном и на разных формационных уровнях; определения места традиционных общественных институтов в современном социальном развитии и их роли в этнической культуре с позиций «культурного релятивизма» и учения о социально-экономических формациях; исследование генезиса обычая избегания у адыгов и его места в их современной культуре. В связи с этими вопросами встает давно назревшая для обсуждения проблема существа и значения для истории культуры так называемых «пережитков». До сих пор отсутствует общепринятое определение этого понятия и существуют различные мнения о том, что следует считать пережитком. Актуальное значение имеет также вопрос о роли разных элементов традиционной этнической культуры, в том числе и пережитков, в формировании социалистического образа жизни. Хотя в обсуждаемой статье эти вопросы затрагиваются с разной степенью полноты, тем не менее ее можно считать хорошей основой для развертывания дискуссии по названным проблемам.

С тем, чтобы сразу определить свои позиции, отмечу, что целиком разделяю основные теоретические и практические выводы статьи